

вину и вину моих предков, говорит она.

Ассиату ехала на конгресс, как на праздник, где можно потанцевать и развлечься, а приехала убежденной демократкой, с сознанием ответственности за судьбу своей страны.

Поэтому робкая Ассиату, выросшая в мусульманском гареме отца, находит в себе силы подняться на трибуну конгресса:

«Во всей черной Африке на женщину смотрят как на получеловека, как на вещь, покорную своему повелителю-мужчине. Раба — она продается как скот и убивается безнаказанно своим господином... Нет, не может быть освобождения мужчин без освобождения женщин!..» Эти страстные слова бросает в притихший зал новая Ассиату. Так оправдывается название книги: «Ассиату-сентябрь». Ассиату, которую переродил сентябрь, месяц борьбы за независимость. После конгресса Бангура возвращается на родину, а Ассиату едет в Нигерию продолжать борьбу.

В предисловии к роману, написанном президентом Гвинейской республики Секу Туре, дается глубокий анализ политического и культурного состояния Гвиней, страны, освободившейся от колониализма, но продолжающей бороться против его губительных последствий. Ведь в течение многих веков колонизаторы не только выжимали все соки из угнетенных наций, но и уродовали их сознание. «...Наши учебники в колониальных школах рассказывали о войнах Галлии, о жизни Жанны д'Арк, о Наполеоне... о поэмах Ламартина и театре Мольера, обо всем, кроме Африки, как будто у нее никогда не было ни своей истории, ни географии, ни культурной жизни...» «Какими бы способностями ни обладал человек в нашем обществе, — пишет далее Секу Туре, — деятельность его не имеет ценности, если она тесно не связана с жизнью народа, не отражает его ин-

тересов, мыслей, стремлений...»

Эмиль Сиссе глубоко чувствует свою связь с народом и ответственность перед ним. Поэтому его так беспокоит решение политических проблем, которыми полна сегодняшняя Африка. В романе есть характерный эпизод. В Дакаре Бангура садится в такси, чтобы ехать на вокзал. Везет его молодой негр, простой рабочий. По пути он рассказывает Бангуре о том, что его больше всего волнует, — о положении своей страны. «...Впрочем, может быть, вы меня не поймете, вы ведь из другой страны», — говорит он. «Мы с вами из одной страны, — отвечает гвинеец Бангура, — разве Африка не наша общая родина?»

Много внимания уделяет автор и решению морально-этических вопросов. Мусульманская религия, проповедующая многоженство, дикие обычаи некоторых племен создали прочно утвердившийся взгляд на женщину как на существо неполноценное. Не свободен от этого и Бангура. Но любовь к Ассиату обогатила его, чувство Бангуры приобрело новые оттенки: нежность, ответственность за судьбу девушки. И Ассиату, полюбив Бангуру, многое взяла от него. Так возникает в романе еще одна тема — взаимного обогащения, которое дает подлинная любовь. Много женщин пересекли жизнь Бангуры, но ни одну из них он не любил, как Ассиату. Потому что ни одна из этих женщин не была его другом и единомышленником, а только настоящее духовное родство дает полностью счастья.

Конец романа трагичен. 28 сентября, после месяца отчаянной борьбы, запуганная экономическими лишениями и опасностью политических осложнений Французская Африка ответила де Голлю «Да». Только одна Гвинея нашла в себе мужество сказать «Нет!» и получила политическую независимость.

В Конакри, столице Гвиней, 28 сентября состоялся национальный праздник. В этот день, которого так ждали Бангура и Ассиату, Бангуре из Нигерии пришла телеграмма:

«Ниамей 27 сентября 1958 года столкновении спровоцированном контрреволюционерами... Ассиату Ба пала поле чести точка История Африки будет ей благодарна точка Глубокий траур молодых борцов за национальное освобождение Нигерии»

На высокой ноте оборвалась жизнь Ассиату, но эта короткая жизнь не была прожита даром.

Прошло два года. Ее родная Гвинея, преодолевая многие трудности, успешно развивается.

Дорогой ценой заплатили остальные французские колонии за свою политическую отсталость. Некоторые из них получили независимость только совсем недавно после тяжелой и упорной борьбы. Одна за другой, как карточные домики, разваливаются колониальные империи, и никакие угрозы, никакие провокации не могут остановить этот исторический процесс.

А. Гераскина

Правда невероятного

John Hersey. The Child Buyer. New York, A. Knopf. 1960.

В «некотором штате, в некотором году» в маленьком американском городке Пекот была сделана попытка... купить ребенка. Дело о покупке расследова-

ла особая комиссия сенаторов. Об этом рассказывает писатель Джон Херси в романе «Скупщик детей».

Почти два с половиной века прошло с тех пор, как

Джонатан Свифт в памфлете «Скромное предложение» рекомендовал готовить различные вкусные и питательные блюда из маленьких ирландских детей.

Происшествие, описанное в книге Хэрси, невероятно. Ведь даже наиболее реакционные и бесчеловечные представители большого бизнеса, как правило, не торгуют детьми. Впрочем, и в XVIII веке самые жадные и злые английские помещики не употребляли в пищу ирландских детей. Но условное, неправдоподобное в книге Хэрси так же, как и у Свифта, возникает на реальной почве.

Представитель могущественной корпорации «Юнайтед лимфо» Висси Джонс скупает одаренных детей. Они нужны для какого-то таинственного мероприятия, «связанного с национальной обороной».

Вначале скупщик наталкивается на сопротивление, но он очень быстро находит «ключ» к каждому из сопротивляющихся, и сделка, которая сперва почти всем казалась невероятной, ненормальной, отвратительной, — совершается.

О намерениях Висси Джонса, о мальчике Барри Радде, которого хотят купить, о том, как и чему учат и как воспитывают детей в маленьком американском городке Пекот, читатель узнает из протоколов сенатской комиссии. В форме протоколов этой комиссии написан весь роман.

«Я не вижу, почему стремиться извлечь хоть какую-либо пользу из этого неестественно», — говорит на сенатской комиссии отец Барри, подразумеваемая выдающиеся способности сына.

И действительно, почему неестественно? Если в обществе продаются честь и совесть, политические убеждения и религиозные верования, то почему бы и не продать талантливого ребенка? Где здесь предел, граница?

Только в самом конце романа выясняется, что одаренных детей хотят превра-

тить в живые вычислительные машины. Сначала, чтобы заставить ребенка потерять память, его запирают в «комнату забвения», где своеобразно сочетают методы фашистского концлагеря и американской суперцивилизации. Обнаженного ребенка насильно пичкают особыми лекарствами, ему непрерывно показывают специальные телепередачи и кинофильмы, дают читать специальные книги. Ребенка лишают органов чувств — ведь вычислительной машине не надо ни осязать, ни обонять, ни видеть, ни слышать и уж тем более не надо ни радоваться, ни печалиться. Созданные таким образом живые счетные машины полностью изолируются от других людей. Большинство детей подвергаются стерилизации.

Маленьких роботов приучают поклоняться новому божеству — «Юнайтед лимфо». Корпорация становится предметом культа, трепетного обожания, в котором, как в некоторых древних восточных религиях, сочетаются мистические и сексуальные элементы. Впрочем, в изображении этой новой религии автор не слишком преувеличивает: ведь и в реальной Америке уже давно доллар стал национальным божеством.

Когда один из членов комиссии сенатор Менсфилд спрашивает у скупщика, не кажется ли ему такой процесс превращения человека в машину несколько страшноватым, тот очень удивлен. Он, Висси Джонс, напротив, убежден, что это великое изобретение «Юнайтед лимфо» может сравниться лишь с расщеплением атомного ядра.

Так, фантастический гротеск помогает Хэрси лучше раскрыть некоторые черты реальной действительности. Скупщику Джонсу, как и многим другим «продуктам» буржуазной цивилизации, нет надобности проходить специальную обработку в «Юнайтед лимфо» — они и так уже лишены многих черт простой человечности. Поэтому они не видят преступ-

ления в том, что «расчеловечивают» одаренных детей.

В ряду общих социальных институтов буржуазной цивилизации в романе Хэрси наиболее конкретно раскрывается система образования в городе Пекот. Джон Хэрси более десяти лет был в своем штате участником различных комиссий, изучавших работу учителей, родительских комитетов, занимался учебными пособиями, программами, вопросами работы с отстающими и одаренными детьми и т. д. Этот живой реальный опыт автора повсюду проступает в книге.

Сенатская комиссия вызывает на заседания педагогов города Пекот. Биолог Фредерика Гозар — энтузиастка своего дела, образованная, умная преподавательница, которая учит детей по-настоящему любить науку. Учительница Перрин — добрая, хотя и невероятно запуганная женщина, вначале она, как и другие, возмущена продажей ребенка, однако агент фирмы очень быстро покупает ее согласие за крупную сумму. И она счастлива, ибо впервые в жизни она может не бояться потерять работу.

Непоколебимой остается только библиотекарша Клауд, которая заявляет сенатору Скайпеку, главному охотнику за крамолой: «Если вы только приблизитесь к городской общественной библиотеке, чтобы выискивать какие-то книги и устраивать из них костры, я встречу вас на пороге с ружьем в руках». Но так отвечает сенатской комиссии только она. Даже Фредерика Гозар в конце концов примирилась с продажей мальчика, утешая себя тем, что он не поддастся превращению в машину.

Большинство же преподавателей — глупцы и трусы. Не удивительно, что и сам мальчик готов бежать от них куда угодно, хоть в объятия «Юнайтед лимфо».

Расследователи вполне могут соревноваться со свидетелями: интеллектуальный и нравственный уровень тех

и других весьма убог. В комиссии три сенатора. Только один из них, Менсфилд, пытается объективно разобрататься в том, что происходит, только он отвергает саму возможность продажи и покупки ребенка. Его коллега сенатор Войлокко — совершенно ничего не понимающий кретин; время от времени другие члены комиссии «переводят» ему, растолковывают то, что происходит.

Наиболее активен в комиссии сенатор Скайпек. На всем его облик словно поставлено клеймо: «Сделано в США в 1960 году». Самоуверенный, наглый, преклоняющийся перед бизнесом, ненавидящий не только всякое проявление самостоятельной мысли, но и простую образованность, интеллигентность, он постоянно занят поисками крамолы. Он презирает все народы мира. Скайпек с самого начала считает, что мальчишку надо продать и не о чем долго разговаривать: дело связано с большим бизнесом и национальной обороной. Никакие соображения гуманности для него просто не существуют.

Сатирический гротеск? Да, и вместе с тем реалистический коллективный портрет правящего класса.

В конце концов сделка заключена. Невероятное событие произошло, и с ним примирились даже неплохие по существу люди. И в этом писатель верен жизненной правде.

Разгул маккартизма в США, преследования выдающегося физика Оппенгеймера или талантливого драматурга Артура Миллера, позорный судебный процесс и казнь супругов Розенберг тоже вначале казались многим простым людям США невероятными. Но не многие осмелились по-настоящему противостоять реакционерам. И об этой трагической и постыдной деморализации Джон Хэрси рассказывает в своем романе.

Но когда дочитана последняя страница, все же не

остается ощущения безнадежности. Потому что в книге ясно и недвусмысленно выражена авторская позиция. Писатель-гуманист не приемлет общественного порядка, в котором продажа ребенка — не столь уже далекий от действительности вымысел.

Хэрси был на фронте и хорошо знает, что такое война и фашизм. Он первым из иностранных корреспондентов попал на пепелища Хиросимы; он разговаривал с жителями этого города и ясно представляет себе, что несет человечеству атомная война. Внимательный и зоркий наблюдатель, он видит вокруг себя немало страшного и уродливого.

Многих писателей по-настоящему тревожили, пугали сложные, трудно обозримые противоречия действительности.

Больше трети века прошло с тех пор, как был написан страшный рассказ Франца Кафки «Превращение», рассказ о том, как человек стал насекомым и погиб одиноким в равнодушном враждебном мире. Кафка сам был смертельно напуган обществом, в котором жил, он предчувствовал фашизм, который пришел к власти уже после смерти писателя. В его творчестве запечатлен судорожный ужас человека, не способного противостоять гибельному и, как ему казалось, неотвратимому наступлению жестоких, мрачных сил зла.

Совсем недавно на сценах Парижа, Западного Берлина, Нью-Йорка была показана пьеса Эжена Ионеско «Носороги». В этой пьесе люди тщетно пытаются отставаться людьми. В них гибнет все человеческое, они с неумолимой последовательностью превращаются в диких, тупых животных. В этом чудовищно фантастическом сюжете — отражение реальных процессов современной истории, напоминание об уродливой бесчеловечности капитализма, и в особенности фашизма. Но автор сам боится «носорогов» и мало верит в способности людей

противостоять наступлению бесчеловечности.

Фантастика в романе Джона Хэрси — тоже отражение мучительно трудных проблем действительности. Но в отличие от Кафки и Ионеску он верит, что, даже отступая в страхе или недоумении перед этими проблемами, человек не перестанет мыслить и чувствовать, не превратится в насекомое, не станет ни носорогом, ни живой вычислительной машиной и не вернется к торговле людьми.

Роман «Скупщик детей» по форме во многом неожидан для творческой манеры Хэрси. В жанре сатирического гротеска он выступает впервые. Но это не просто карикатура, беллетризованный памфлет, а интеллектуальный роман, воздействующий примерно так же, как и эпический театр Брехта: прежде всего на разум, а уж потом через разум на чувства читателя.

Характерен, например, такой эпизод: Висси Джонс организует нападение мальчишек-школьников на дом Раддов, чтобы устроить мать Барри, сорвать с нее тонкую пленку respeitability и обнажить перед глазами окружающих, и прежде всего самого Барри, тупое животное. Этот погром — один из важных этапов для достижения цели, поставленной Висси Джонсом.

Но смысл эпизода шире. Хэрси касается здесь очень современной, большой проблемы — организованного сверху насилия, использования низменных инстинктов и направления их против разума, против человечности, по существу — проблемы фашизма.

Причем эта сцена не считается на непосредственную эмоциональную реакцию — гнев, отвращение. В книге нападение не изображается, а пересказывается разными персонажами, которых допрашивает сенатская комиссия. Уже этим ослаблена непосредственность воздействия, и это не случай-

ность: прежде всего автор хочет заставить читателя не просто возмущаться, а думать.

Для этого Хэрси как бы вводит читателя за кулисы событий, по несколько раз возвращается к одному эпизоду, изображает его с точки зрения разных действующих лиц и, так сказать, раскрывает механизм. Раскрывает для того, чтобы вооружить разум читателя, помочь ему понять причины уродства.

Таким образом всемерно усиливается активность читателя, становящегося как бы соавтором, — активность прежде всего интеллектуальная.

Подобно Брехту, Хэрси прибегает к условной форме не для эстетических экспериментов, а для того чтобы нагляднее воплотить сложные противоречия определенных участков действительности.

С точки зрения нормального, честного человека, фантастичны и сами заседания комиссии и нападение на дом Раддов. Но в конкретно-исторических условиях середины XX века в США эта фантастика — вместе с тем почти натуралистическое следование действительности.

Несмотря на известную монотонность основного приема — к концу книги автору несколько изменяет чувство художественной меры, нарушается магическое «чуть-чуть» — книге свойствен большой внутренний драматизм.

Роман — зеркало, проносимое по большой дороге. Но дорога меняется, и это не может не сказаться и на отражающих приборах. Все больше усложняется жизнь, и, чтобы отразить не только ее поверхность, теперь мало простого зеркала. Нужна и лупа, и телескоп, и рентгеновские аппараты... неизбежно меняется и форма романа.

Избранная на этот раз писателем форма полно, глубоко, художественно убедительно служит именно реалистическому раскрытию

главных закономерностей действительности.

Ведь в самой жизни ведущие тенденции часто скрыты, выступают в зародыше, переплетены с другими, соседствуют с прямо противоположными. Основные процессы общественного развития в наше время завуалированы и мистифицированы еще в большей степени, чем в то время, когда Маркс писал о товарном фетишизме.

В самом деле, ведь даже самая простая, основная экономическая закономерность буржуазного обще-

ства — получение прибавочной стоимости — не видима простому глазу, не может быть сфотографирована, ее нельзя потрогать, она недоступна восприятию органов чувств. Еще сложнее обстоят дело с процессами интеллектуального или нравственного развития. Они не поддаются простому описанию, иной раз необходима более сгущенная, сжатая, более условная форма для их наиболее реалистического воплощения.

Книга Хэрси — смелый поиск в этом направлении.

Р. Орлова

Боевой орган фламандских литераторов

„Kruispunt“, Amsterdam—Brugge, N 1—6,
1959—1960.

«Кройспунт» по-русски — точка пересечения, перекресток. Так символически назвали свой журнал передовые писатели Фландрии.

Приветствуя появление первого номера «Кройспунта» в январе 1959 года, старейший мастер фламандской прозы Виллем Эльсшот сказал: «Где-то должен быть перекресток, на котором люди с различным мировоззрением смогут встретиться, чтобы понять и оценить друг друга, перекресток, где художники и литераторы смогут совместными усилиями воссоздать правдивую картину нашего времени».

И действительно, журнал «Кройспунт», привлекая к сотрудничеству большую группу передовых литераторов Западной Европы и некоторых африканских стран, основной задачей поставил борьбу за мир, за освобождение колониальных народов, разоблачение фашизма во всех его проявлениях.

Знаменательно, что пятый номер «Кройспунта» за 1960 год целиком посвящен искусству и литературе народов Конго. Появление такого специального выпуска служит ярким выражением глубокого сочувствия прогрессивной общественности

Бельгии и Голландии народам Конго в их справедливой борьбе против колонизаторов.

«Кройспунт» выходит раз в три месяца. Он невелик по объему, но содержит большой и разнообразный материал. На его страницах публикуются стихи, рассказы, статьи, очерки, фельетоны, хроника культурной жизни. Редакция не оставляет без внимания и классическое наследие, помещая переводы из Гейне, Брехта, Бехера, Шолом Алейхема.

Среди разнообразных жанров, представленных в журнале, боевые рубрики занимают поэзия. Читаем ли мы «Здравствуй, Варшава» Паскаль Коллин или «Сонет» Лео Петерса, «Черный цвет» Георга ван Акера, «Всегда была война» Рауля Аньера — мы повсюду встречаем живую память об ужасах недавнего военного прошлого и страстный протест против угрозы атомной войны. Херман ван Сник мечтает о том, чтобы «не скрываться в подвалах бетонных и не слышать, как бомбы стонут и люди, чтобы всюду воцарился мир». Волю народов, подымающихся на борьбу против колониализма, выражает «Негритянская песня» Георга ван Аке-